

Perspectives on negation and polarity items / J. Hoeksema, H. Rullmann, V. Sanchez-Valencia, T. van der Wouden (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. xii, 366 p. (Linguistik Aktuell / Linguistics today. 40).

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, написанных по результатам конференции, проходившей в университете Гронингена в августе 1996 г. Среди участников сборника – наиболее известные специалисты по вопросам, связанным с отрицанием и контекстной чувствительности к отрицанию. Поэтому, не являясь учебником или монографией, книга позволяет получить представление о современном состоянии исследований в этой области. Кроме того, поскольку около половины статей написаны на материале нидерландского языка, сборник может оказаться полезным также специалистам по нидерландскому языку, даже если проблемы, связанные с отрицанием, не входят в основную сферу их интересов.

Вопрос о чувствительности языковых единиц к контексту отрицания привлекает внимание лингвистов по крайней мере с конца 50-х годов XX века (см., например [Klima 1964]). Наиболее известными примерами являются английские *any* и *at all*: *I didn't see any cat at all*, но **I saw any cat at all*. При изучении таких лексем (известных под названием “единицы с отрицательной полярностью”, “negative polarity items”, NPI) приходится отвечать на следующие вопросы: в каких именно контекстах могут употребляться NPI-лексемы; какие именно языковые единицы принадлежат к их числу; и, наконец, как объяснить поведение NPI. Соответственно, часть статей сборника в основном рассматривает вопрос о допустимости NPI, другая часть – об их лексическом составе.

Контексты употребления единиц с отрицательной полярностью не ограничиваются собственно отрицанием: NPI грамматичны в про-

тазисе условного предложения, внутри именной группы с квантором всеобщности, в контексте эталонного сравнения. В [Ladusaw 1979] все эти контексты объединяются на основе понятия монотонно убывающего оператора. Оператор называется монотонно убывающим (по определенной аргументной позиции), если замена предиката в этой позиции на предикат с более узким значением дает предложение, являющееся следствием исходного. Так, из предложения *Если на улице дождь, деревья мокрые* следует предложение *Если на улице ливень, деревья мокрые*. Это показывает, что оператор условия монотонно убывающий по своему первому аргументу (протазису). Лейду-соу утверждает, что NPI могут употребляться в сфере действия монотонно убывающих операторов. Эта теория адекватно предсказывает поведение, например, английского *any*. Однако различные NPI, как выясняется, накладывают различные ограничения на контекст. В связи с этим появляются новые теории, призванные охватить все разнообразие NPI. В [Zwarts 1996] степень “отрицательности” оператора *f* оценивается по тому, какие из логических законов де Моргана для него выполняются: анти-аддитивность $f(X \text{ или } Y) \leftrightarrow f(X) \text{ и } f(Y)$ и/или анти-мультипликативность $f(X \text{ и } Y) \leftrightarrow f(X) \text{ или } f(Y)$.

В статье Дж. Атласа делается попытка установить дальнейшее упорядочение этих операторов на основе интуиционистской логики. Получаемое упорядочение соответствует наблюдаемой “строгости” NPI в выборе контекста. Другая популярная сейчас теория, излагаемая в статье А. Яннакиду (на материале греческих неопределенных местоимений), вместо

понятия монотонности использует понятие фактивности (veridicality). Оператор О называется фактивным, если из Ор следует р. Оператор называется анти-фактивным, если из Ор следует отрицание р. Языковая единица может быть допустима только в каком-либо типе контекстов (фактивный, не-фактивный, анти-фактивный), либо запрещена только в каком-либо из этих типов. Предсказания теорий, основанных на монотонности и на фактивности, исследуются на материале русских неопределенных местоимений в статье [Pereltsvaig 2000].

Часть статьи Л. Хорна посвящена тому, насколько неявно может быть допустимо употребление NPI. Приводятся примеры, где “отрицательный” смысл должен вычисляться из контекста по прагматическим соображениям. Сам Хорн называет это явление “флоберовским” правилом, по аналогии с известным высказыванием Флобера, что автор, подобно Богу, не должен нигде быть виден в своем творении, но его присутствие должно всюду ощущаться. Примеры такого употребления: *I thought she was a friend of yours. That's why I ever even noticed her.* (Dorothy Parker); *For example, in (48a), the fact that the speaker received any money at all is the most important information, and the amount received is secondary.*

Наличие таких примеров убедительно показывает, что попытки объяснить употребление NPI исключительно синтаксическими конфигурациями обречены на неудачу. Подобные же примеры на нидерландском материале встречаются в статье Дж. Хуксемы и Х. Рульман, причем эти примеры содержат NPI *ook maar*, про которую в литературе делались утверждения, что она употребляется исключительно в сфере действия анти-аддитивного оператора, который к тому же должен находиться с ней в отношении с-командования.

В статье К. Кеннеди строится формальная модель семантики для качественных прилагательных с учетом их полярности. В частности, предлагается сопоставлять такому прилагательному интервал (extent) на шкале, включающий либо ее верхний, либо нижний конец. Делается попытка объяснить с помощью предлагаемой модели то, что некоторые прилагательные (соответствующие, по Кеннеди, верхней части шкалы) не допускают NPI, а другие (соответствующие нижней части) их допускают: *It's sad!/*great that you even have to talk to any of these people at all.* Представляется, однако, что не всегда в языке заранее за каким-то концом шкалы закреплен положительный знак, а за каким-то отрицательный, иногда это определяется контекстом, ср.: *Отвратительно / Замечательно уже то, что тебе вообще с кем-то из них пришлось разговаривать.* См.

также статью Х. Клейн, в которой рассматривается действие наречий степени на качественные прилагательные и условия, при которых такие сочетания проявляют свойства NPI.

Класс лексем, обнаруживающих свойства NPI, достаточно разнообразен: он включает в себя неопределенные местоимения (англ. *any*, нидерл. *enig*), наречия (англ. *ever*), глаголы (как правило, модальные или, по крайней мере, с сильным модальным компонентом значения, например, нидерл. *hoeven*, нем. *brauchen*, русск. *сметь*, см. статьи Й. ван дер Ауверы, Г. Фалькенберга). Часто в качестве NPI выступают единицы, обозначающие нижний конец какой-либо шкалы [Fauconnier 1975], иногда в комбинации с фокусными частицами (см. статью У. Лахири). В этом случае кванторное значение NPI возникает в результате прагматического вывода: если предикат неверен относительно минимальной точки на шкале, он должен быть неверен и относительно остальных ее точек. Отдельную группу, близкую к предыдущей, составляют выражения с “нулевой” семантикой (Г. Постма), где слова теряют свое лексическое значение и используются в качестве кванторов. Как правило, в таких конструкциях употребляются табуированные лексические единицы.

Г. Фалькенберг рассматривает глагольные NPI в немецком языке. Выделяются четыре группы: а) “абстинентные” предикаты (например, *unhin können* “мочь избежать”), которые предполагают, что субъект чувствует сильное стремление совершить действие, описываемое аргументом-придаточным в инфинитиве; “аттрактивные” (*dulden* “терпеть”), предполагающие, наоборот, сильное стремление воздержаться от действия, описываемого придаточным; в) “привативные” (*entbehren* “быть лишенным”), управляющие ИГ в родительном падеже и обозначающие отсутствие у субъекта референта этой ИГ; и, наконец, “глаголы интереса” (*jucken*, букв. “зудеть, чесаться”), употребляемые безлично и обозначающие интерес своего актанта в винительном или родительном падеже к событию, обозначаемому актантом-придаточным.

Й. ван дер Аувера на материале выборки из 29 языков Европы и Индии исследует взаимодействие модальных вспомогательных глаголов с отрицанием: каковы относительные сферы действия глагола и отрицания; может ли глагол употребляться без отрицания, или является NPI; насколько по-разному ведут себя при этом глаголы со значением возможности и необходимости; каковы пути исторического развития модальных значений в сочетании с отрицанием (строится семантическая карта).

Статья Г. Постмы рассматривает продуктивные способы образования NPI в нидерланд-

ском: особый вид интонации (drag tone), табуированные лексемы с “нулевой семантикой” и сравнительные конструкции с инверсией. Делается попытка свести все три разновидности к одному виду синтаксической конфигурации, с “дефектной” IP. Утверждается, что эффект чувствительности к отрицательной полярности возникает из-за конфликта синтаксических признаков в такой конфигурации.

Дж. Хуксема и Х. Руйман исследуют употребление двух NPI-показателей минимума шкалы в нидерландском языке: *ook maar* (букв. “тоже только”) и *zelfs maar* (букв. “даже только”) в корпусе текстов. Показано, что *ook maar* употребляется скорее в случаях, когда требуется отсылка на абсолютный минимум шкалы, а сама шкала конвенциализована. *Zelfs maar*, напротив, чаще выступает в контекстах, когда указывается низкая точка, но не абсолютный минимум, а сама шкала определяется контекстом. Кроме того, *zelfs maar* предпочитается в контекстах перечисления. Проводится сравнение с аналогичными единицами в немецком (*auch nur*) и английском (*even* и *so much as*), показано, что *auch nur* является переводным эквивалентом обоих нидерландских выражений, а английские единицы распределяются по другим принципам. На корпусе более старых текстов прослеживается, как на протяжении последнего столетия *ook maar* и *zelfs maar*, поначалу слабо дифференцированные, приобретали каждый свою специализацию.

В статье У. Лахири рассматриваются местоимения языка хинди с показателем *bhii* “тоже, даже”. В сочетании с неопределенными местоимениями и показателями нижней границы шкалы они ведут себя как типичные NPI-минимизаторы. Неопределенные местоимения с *bhii* могут также употребляться в контекстах свободного выбора. Показывается, что в составе определенных ИГ эти местоимения грамматичны либо в генерических контекстах (генерический оператор – монотонно убывающий), либо в случае, если ИГ имеет множественное число (что рассматривается как оператор максимизации, по [Link 1983] – аналог квантора общности, также монотонно убывающего в рестрикторе). Таким образом, в определенных ИГ рассматриваемые единицы ведут себя подобно типичным NPI. Интересен случай сочетания *bhii* с относительным местоимением *jo* в коррелятивных конструкциях. В этом случае возникает значение неизвестности говорящему референта соответствующей ИГ. Лахири выводит это значение на основе анализа коррелятивов, принадлежащего В. Дайал [Dayal 1995] и фокусной семантики *bhii*.

Две статьи сборника исследуют прежде всего вопросы сферы действия отрицания.

А. Миттвох рассматривает предложения, где присутствует отрицание перфективных предикатов и обстоятельства времени, которые без отрицания сочетаются только с имперфективными предикатами (*for, until*): *Mary didn't start working for two weeks / until May 1st*. Из двух возможных анализов один присваивает отрицанию сферу действия более узкую, чем у обстоятельства, второй – более широкую (при этом приходится признавать, что обстоятельства времени в таких предложениях имеют нестандартное значение). Выясняется, что оба анализа должны присутствовать в сознании носителей языка, и, таким образом, вопрос о том, какой из них “правильный”, не имеет смысла. По-видимому, подобная ситуация должна возникать на каком-то этапе всякий раз, когда какая-либо конструкция при развитии языка подвергается переразложению.

В статье Л.М. Товены рассматриваются конструкции со смещенной сферой действия отрицания при предикатах пропозициональной установки, когда *Daniel does not think that Louise will come* означает то же самое, что *Daniel thinks that Louise will not come*. Согласно ее гипотезе, пропозициональная установка в данном случае интерпретируется так, как будто ее субъект оценивает истинность отрицательных пропозиций согласно предположению о замкнутости мира, подобно тому, как это делается в системах логического программирования (например, в языке Пролог). Такое предположение гласит, что для доказательства ложности утверждения достаточно показать, что невозможно доказать его истинность. В таком случае предположения двух рассматриваемых типов (с разной сферой действия отрицания) действительно оказываются эквивалентны.

Несколько особняком стоит работа К. Дрозда о начальном отрицании в детской речи. Исследуются примеры, где ребенок выражает отрицательный смысл при помощи показателя отрицания (в случае английского языка – *no*, реже *not* или *never*) в начале предложения. Более ранние работы усматривали в таких предложениях особую синтаксическую конструкцию, характерную исключительно для детской речи. Дрозд на материале корпуса показывает, что в большинстве случаев имеет место металингвистическое отрицание, когда ребенок выражает свое несогласие с предыдущим высказыванием взрослого (и обычно повторяет это высказывание с точностью до дейктических показателей).

Отдельная тема, возникающая в различных статьях сборника, – связь табуированной лексики с отрицанием. К. Дрозд уподобляет мета-

лингвистическое отрицание в детской речи аналогичному использованию табуированной лексики в речи взрослых. Г. Постма рассматривает NPI, имеющие в своем составе слова-табу. Согласно Л. Хорну, в американском английском слово *squat* с исходным значением “экскременты” в определенных конструкциях, в определенных регистрах речи (спорт, политика) полностью прошло так называемый цикл Есперсена, когда лексическая единица со значением конечной точки шкалы сначала служит для усиления отрицания, а затем оказывается его единственным показателем.

Сборник демонстрирует достаточно широкий диапазон подходов к объяснению явления NPI. Прежде всего можно противопоставить ориентированный в основном на синтаксис подход Постмы и прагматические теории, основанные на понятии шкалы. Используются достаточно разнообразные методы: от типологического исследования на основе выборки языков у Й. ван дер Ауверы и поиска по корпусу у Дж. Хуксемы и Х. Рульмана, до попыток усмотреть в формально-логических теориях аналогии языкового мышления человека, как у Дж. Атласа и Л.М. Товены. Пожалуй, был бы чрезвычайно полезен вводный текст с общим изложением проблематики, но и в его отсутствие большинство статей доступны для читателя-лингвиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Dayal 1995 – V. Dayal. Quantification in correlatives // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. Partee (eds.). Quantification in natural languages. Dordrecht; Boston, 1995.
- Fauconnier 1975 – G. Fauconnier. Polarity and the scale principle. CLS 11. 1975.
- Klima 1964 – E. Klima. Negation in English // J.A. Fodor, J.J. Katz (eds.). The structure of language. Prentice-Hall, 1964.
- Ladusaw 1979 – W. Ladusaw. Polarity sensitivity as inherent scope relations: Ph. D. dissertation. U. of Texas, 1979 (published New York, 1980).
- Link 1983 – G. Link. The logical analysis of plurals and mass terms: A lattice-theoretical approach // R. Bäuerle, C. Schwarze, A. von Stechow (eds.). Meaning, use and interpretation of language. Berlin, 1983.
- Pereltsvaig 2000 – A. Pereltsvaig. Monotonicity-based vs veridicality-based approaches to negative polarity items: Evidence from Russian // FASL 8. Ann Arbor, 2000.
- Zwarts 1996 – F. Zwarts. A hierarchy of negative expressions // H. Wansing (ed.). Negation: a notion in focus. Perspectives in analytical philosophy. 7. Berlin, 1996.

Г.К. Бронников